

Лада Зорина

7 месяцев
для
МАГНАТА

Лада Зорина

Помощница для магната

<https://litres.ru/74214314>

Аннотация

— Вы меня... силой на себя работать заставите? — Либо так, либо тюрьма, — Разумовский смотрел на меня зверем. — Там на меня работать тебе не придётся. — Это... это разве альтернатива? «Зверь» пожал широченными плечами: — И там, и там несвобода. Вопрос только в том, какую несвободу выберешь ты?

Магнат Разумовский — причина всех моих бед. Я — причина его испорченной репутации. Но волей случая теперь я работаю на него. На человека, которого ненавижу. «Вас примирит либо постель, либо чудо», — пошутила подруга. «Постель — никогда! А чудес не бывает», — ответила я и поначалу сама в это верила...

♥# Брутальный и властный магнат ♥# Невинная героиня ♥#
Очень эмоционально ♥# ХЭ

Благодарю вас за ваши звёзды, награды и комментарии. ♥#

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	47
Глава 10	52
Глава 11	57
Глава 12	62
Глава 13	68
Глава 14	73
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Глава 1

— Сашка, да не трясись ты так! Всё у тебя получится!

Вот бы мне такую веру в себя, какой располагала моя подруга. Ещё никогда в жизни я не была так слабо уверена в перспективах задуманного. И в душе успела десять раз отговорить себя от этой авантюрной затеи.

— Послушай, мероприятие будет в самом разгаре. Его апартаменты — всего на пару этажей выше. Попасть сюда снова вот так запросто больше не выйдет — сама говорила. И всё, плакал твой шанс раздобыть эксклюзив!

Светка была права. Наводку на эту квартиру мне дали надёжные люди, с которыми я уже не раз сотрудничала. Обычно именно от них я и получала самые резонансные инсайды о жизни власть имущих нашей столицы. Они же организовали нам приглашительные на мероприятие, проходившее в непосредственной близости от того места, где меня ожидало моё необычное задание.

Нужно было только решиться на него отправиться.

Но заранее меня не предупреждали, что действовать придётся почти как взломщице! Вот на такое я точно не подписывалась и теперь на все лады кляла всю эту их секретность.

— Если утром в понедельник в блоге Жанны Смеховой не появится обещанная бомба, что скажут миллионы твоих подписчиков? — принялась доламывать меня подруга. — Ты

же сама говорила, что это единственный шанс...

Её голос сорвался, и я машинально схватила её за руку, сжала прохладные пальцы в ладони.

— Свет, я помню. Дай мне пару минут.

Она кивнула, а я метнулась в уборную, где с решительностью, не оставлявшей места для сомнений, вынула телефон, проверила зарядку и поставила его на беззвучный режим. Поправила едва заметный макияж, но скорее лишь для того, чтобы потянуть время.

Мне придётся отправиться в те самые апартаменты жутко роскошного жилого комплекса, чтобы добыть чёртовы бумаги, написать на их основе потенциально сенсационный материал и расплатиться по долгам.

Мы наконец-то будем свободны. И мой брат больше никому ничего не будет должен. Светка перестанет лить слёзы по своему жениху. Мы прекратим скрывать от матери, в каком положении очутились. И жизнь наконец-то — наконец-то! — наладится. Ну разве же мы этого не заслужили после того ада, через который пришлось пройти!

И кто знает, возможно, знаменитая блогерша-разоблачительница Жанна Смехова перестанет существовать. Уйдёт на заслуженный отдых, и я займусь тем, чем всегда хотела заниматься — фотографией.

Я ведь даже портфолио уже собрала. Мне бы только начать. Мне бы только с прошлым наконец расквитаться...

И дальнейших благословений от Светки больше не пона-

добилось. Из уборной я вышла в состоянии полнейшей готовности.

— Встретимся через полчаса внизу, — сообщила я ей на ухо, отдавая свой номерок от гардеробной. — Забери пока мой плащ и жди там.

— Ага-ага, — закивала подруга. — Ты же помнишь? Нужно дождаться, пока там закончат уборку и оставят на проветривание. У тебя будет где-то пятнадцать минут. Этого же точно хватит? Тебе же сказали, где эти бумаги лежат?

— В кабинете, — кивнула я, пока мы пробирались из танцующей толпы к выходу. — Что там по времени?

Светлана вынула телефон:

— Через... через семь минут, получается. Как раз зафиксируешь, когда там свернётся основная уборка.

И до какого-то момента всё шло ровно так, как было запланировано и заучено на основании всех вводных данных, переданных мне анонимными заказчиками. Никакой охраны на этаже, слепые зоны видеокамер, уборка в лице всего одной горничной, открытые на время апартаменты.

Всё очень-очень легко. Волноваться совершенно не о чем.

Волновалась я исключительно потому, что раньше провоцировать подобное мне не приходилось. Чёрт, да я в самом диком сне ни за что бы не поверила, что когда-нибудь решусь на такое.

Но смертельная опасность, в которой вдруг оказался родной человек — мощнейшая, скажу я вам, мотивация. Тут и

не так раскорячишься. И не на такое пойдёшь.

Я выждала положенное время, дабы убедиться, что помещение на время оставили в покое, и, не позволяя себе раздумывать, нырнула внутрь.

Обширнейшие апартаменты, освещённые лишь приглушённым светом настенных пилонов, поражали воображение сдержанной роскошью. Я старалась ни к чему не прикасаться — меня предупредили, что квартира напичкана электроникой, по уровню IQ явно превосходившей меня в несколько раз.

Кто бы тут ни жил... жил он на очень широкую ногу. Впрочем, чему удивляться? Цены за здешнее жильё достигали астрономических высот.

Так, как там было... налево, направо, и ещё раз налево. Матовая дверь. Приоткрыта.

Отлично.

Короткий коридорчик и... есть! Рабочий кабинет.

Тёмная кожа и дерево. Здесь даже пахло роскошно.

Осторожно ступая по толстому ковру, я подкралась к столу. Бедром отодвинула в сторону тяжеленное, обтянутое кожей кресло.

Два ряда ящиков. Средний справа. Никаких ручек. Открывается нажатием на панель снизу.

Я схватила со стола листок для записок, обернула им палец, чтобы не оставлять следов, и осторожно провела по едва заметной полоске из тёмного металла.

Едва слышный щелчок.

Вау... как в шпионских боевиках!

Будет что внукам на старости лет рассказать.

Внутри — стопка бумаг, но те, которые мне нужны — прямо под нею, в пластиковой папке.

Я вынула её, положила на стол.

Она. Песочного цвета и с буквами «Д. Р.» в верхнем правом углу.

Отлично. А теперь бегом отсю...

— Надо же. Гостей я сегодня не ждал.

Я вскинула голову. Внутри всё оборвалось. На пороге в компании двух плечистых охранников стоял наверняка хозяин роскошного кабинета.

Высокий широкоплечий брюнет в безупречно скроенном чёрном костюме. Жёсткий взгляд, выразительный нос, тяжёлая челюсть, скулы — порезаться можно.

Он смотрел на меня с лёгкой насмешкой, почти без удивления, а я на него — с нескрываемым ужасом.

Потому что он меня не знал, а вот я его — очень даже.

— Ну что? — отозвался мой оживший кошмар. — Поговорим? Хотелось бы знать, кого я сегодня принимаю у себя в гостях.

Глава 2

Я смотрела в лицо своей верной гибели.

И то, что она была привлекательной, словно грех, ситуацию не облегчало.

Давид Разумовский — один из богатейших людей страны с репутацией акулы. С репутацией, которую я пошатнула одним из своих прошлых материалов. Не критично, к сожалению. Он этот удар благополучно пережил, но лишился немаловажного — негласного звания неприкосновенного полубога в финансовой сфере, которому никто и никогда не взялся бы даже перечить.

Иронично, но именно этот материал заработал репутацию Жанне Смеховой — пламенной разоблачительнице, в погоне за правдой не побоявшейся бросить вызов мастодонту современного бизнеса.

Справедливости ради, на девяносто процентов это было победой его многочисленных конкурентов — из-за моего разгромного материала Разумовский потерял вожацеленный контракт, за который очень долгое время толкался со своими соседями по бизнесу, но от всех обвинений в итоге успешно отбился. Его даже в прессе не полоскали. Ещё бы. С его-то армией адвокатов...

Но я даже в страшном сне не могла бы представить, что когда-нибудь окажусь у него на пути в прямом смысле этого

слова.

Во что эти люди меня втянули?! Отправили прямиком в лапы к врагу! И спасало меня исключительно то, что никто покуда не знал, кто такая та самая Жанна Смехова.

Но вот теперь... как долго продержится моя анонимность?

— Стесняться уже ни к чему, — прервал затянувшееся молчание хозяин апартаментов. — Можем сразу на ты, раз мы настолько сблизились, что я отдал тебе ключи от своего кабинета.

Я попыталась сглотнуть, но потерпела фиаско. Горло превратилось в наждачную бумагу.

— Как зовут? — Разумовский сделал знак охранникам, и те без лишних слов вышли, притворив за собой дверь кабинета.

— С-саша, — прошелестела я.

— Ну что ж, С-саша, — он опустился в кресло напротив стола, за которым я так и торчала. — С нескрываемым интересом выслушаю все твои объяснения. Помрачение рас-судка? Мистические обстоятельства непреодолимой силы? Инопланетяне? Или что-нибудь в духе «Иронии судьбы»? Я открыт к любой теории. Не ограничивай свою фантазию.

Врать напропалую в попытках выкрутиться любой ценой не имело смысла. Оставалось одно. Говори полуправду — и тебе скорее поверят.

— Мне заплатили.

— Ого, — чёрные брови взлетели вверх. — Очко в твою

пользу. Удивила.

— Я... мне... у меня сложные жизненные обстоятельства. Очень... сложные. Вот я и согласилась! Со мной связались, анонимно. Попросили достать бумаги. Объяснили, как. Вот про панель на ящике рассказали и... и как пройти сюда — тоже.

— Так ты, может, и о том, что крадёшь, не догадывалась?

— Догадывалась, — продолжала играть в дурочку я. — Но я просто... я не стала лишних вопросов задавать. Мне просто сказали, что и откуда взять. И что они со мной свяжутся. И что... заплатят.

Разумовский изучал меня с бесстрастностью академика, наткнувшегося на прелюбопытный экземпляр:

— Кем работаешь?

— Я... д-да так... пишу всякое... для одного глянца.

Не соврала. Я действительно работала в подобном журнале, сразу же после выпуска из универа, но через год оттуда сбежала — не прижилась в дружном женском коллективе.

— Так мой взломщик — репортёрша из глянца? — Разумовский потёр щёку, на которой обозначилась лёгкая небритость. — Позор какой-то. Кому расскажи — засмеют.

Он выглядел собранным и спокойным. Не злился, не нервничал и вёл едва ли не светский разговор. Может, нам таки удастся договориться?

— Но совсем другое дело те, кто тебя сюда отрядил. Эти ребята неплохо осведомлены, верно? График уборки, доку-

менты и даже механизм в ящиках стола. Впечатляет. Слушай, я хочу с ними поговорить.

Эта обыденность тона зазвучала максимально обманчиво.

— Я... у меня нет... они сами. Сами звонят. Номер скрыт.

Я никогда с ними не связывалась.

— А бумаги как передавать собиралась?

— Сказали, мне сообщат время и место.

— Разумно.

— Я... знаете, я, может, пойду? — меня начинало трясти от напряжения. Устоять на месте становилось непосильной задачей. — Всё ведь на месте. Я... я ничего не взяла. И... ничем вам помочь не могу. Я ничего, вот поверьте, ничего не знаю.

— Предлагаешь тебя отпустить? — как бы на всякий случай уточнил Разумовский.

Я закивала, переминаясь с ноги на ногу и готовясь прорываться из кабинета силой.

— Ну... раз ты ничего не взяла...

— Ничего! Клянусь! Вот, можете сумочку мою обыскать!

— Разве только в сумочку можно что-нибудь спрятать? — он прошёлся по мне задумчивым взглядом. — Боюсь, придётся тебя обыскать.

Жар опалил мои щёки.

— Сам я этим заниматься не буду, — усмехнулся он, увидев шок на моём лице. — Поручу это моим охранникам. И понаблюдаю.

От этих диких полунамёков мне вдруг сделалось дурно.

— Послушайте...

— Нет, это ты послушай, — оборвал он меня. И я поняла

— шутки кончились.

Разумовский поднялся из кресла, выпрямился во весь свой внушительный рост:

— Ты попалась, Саша. Имей смелость это признать. Смелости залезть ко мне в дом тебе же хватило.

Низкий голос отдавался в моих ушах похоронным колоколом.

— Вы меня не отпустите, — прошептала я.

— Не отпущу, — покачал он головой, в тусклом свете ламп его волосы переливались иссиня-чёрным. — У любого такого поступка должна быть цена. Даже если его совершает милая девочка Саша.

— Ч-что за цена?..

Меньше всего я хотела услышать ответ.

— Как минимум... — он будто на секунду задумался, а после прищурился и продолжил, — как минимум исправительные работы.

— И... и что это значит? Вы меня... силой на себя работать заставите?

— Либо так, либо тюрьма, — сейчас Разумовский смотрел на меня зверем. — Там на меня работать тебе не придётся.

— Это... — у меня дар речи пропал, — это разве альтер-

натива?

«Зверь» пожал широченными плечами:

— И там, и там несвобода. Вопрос только в том, какую несвободу выберешь ты?

Глава 3

Выбирать... и как же тут можно было выбирать?

Да и вообще, имела ли я право выбирать что-то ещё, кроме очевидного варианта не попасть за решётку?

У меня дома сердечница-мать. Меня внизу наверняка издёргавшаяся Светка дожидается — подруга и, считай, давным-давно член семьи.

У меня, наконец, родной брат — без пяти минут заложник из-за бешеных размеров долга. Заложник не в последнюю очередь благодаря Разумовскому!

— А... а почему сразу тюрьма? — проблеяла я, позорно цепляясь за остатки надежды на то, что мне каким-нибудь невероятным образом удастся его разжалобить.

— А это разве не очевидно? — сейчас Разумовский смотрел на меня сверху вниз, как на какое-нибудь не слишком приятное ему насекомое. Так и давил своим неоспоримым авторитетом.

— Н-но я же... я же чистосердечно...

Моё жалкое объяснение оборвал его короткий смешок — низкий, утробный, с ощутимой хрипотцой.

— Слушай, ну хватит строить из себя дурочку, а? Ты ж не идиотка. Я по глазам твоим вижу.

Этот сомнительный комплимент вывел мою и без того успешно нарастающую панику на доселе невиданный уро-

вень. Такая вот проницательность мне совсем ни к чему. Мало ли что ещё он успеет разглядеть и расслышать, пока мы тут так мило беседуем о том, как он упечёт меня за решётку?

Мой взгляд отчаянно шарил по роскошным интерьерам без особой надежды зацепиться хоть за что-нибудь. Я прескверно соображала в форс-мажорных ситуациях. Стоило попасть в рискованную ситуацию, как я безнадёжно растерялась. А от моей в природе не существующей, очевидно, смекалки сейчас, между прочим, напрямую зависела моя будущая судьба!

— М-может... может, мы как-нибудь сможем договориться?

— Договориться, — повторил Разумовский, и карий взгляд заскользил по мне с особой внимательностью. — А что ты, Саша, можешь такого мне предложить?

Я поёжилась под его откровенно изучающим взглядом, умоляя себя не поддаваться на явную провокацию. Очень хотелось одёрнуть подол своего коротковатого платья, но я не решалась привлекать к себе ещё больше внимания. Я и без того сыта им по горло.

— Н-не знаю пока. Нужно... нужно подумать. То есть... ну...

— Очень много бесполезных слов. К делу. Что у тебя есть такого, что может представлять для меня хоть какую-то ценность?

— Но я же не знаю, что вы... что вы считаете ценным.

— Предполагаешь, мы настолько разной породы?

Конечно! Ты — породы «паскуда богатая обыкновенная»! Жаль вслух я ему этого сказать не могла. Ну, то есть могла, но это уж стопроцентно закончилось бы для меня гостеприимной камерой с нарами.

— Предполагаю, что достаточно разной, — пробормотала я наконец.

— Видишь ли, — карие глаза слегка прищурились, будто он сейчас всю меня взвешивал, как раз таки пытаюсь на глаз определить мою потенциальную ценность. — Что бы ты мне ни предложила, я это получу в любом случае. Для этого мне не нужно заключать с тобой сделку и что-то у тебя выторговывать.

Сволочь! Сволочь как есть! Привык брать всё что хочет. Творить всё что хочет. Просто потому что денег — куры не клюют.

— Тогда... тогда зачем все эти разговоры? Про выбор и... и всё остальное.

— Считай это жестом доброй воли, — наглый карий взгляд вернулся к моему лицу. — За то, что глаза у тебя умные.

Как собаку похвалил, ей богу.

Ладно... ладно, если просто предположить. Если на секундочку просто представить...

— Извините, но... но я просто я теряюсь в догадках, какую такую исправительную работу вы м-могли бы мне назна-

чить? Назначите ответственной за уборку ваших апартаментов?

— М-м-м-м, ирония, — протянул Разумовский, в неожиданной улыбке сверкнули ровные белые зубы, — говорю же, мозги у тебя на месте. Нет, зачем же уборку? Ты себя, Саша, совсем, что ли, не ценишь? Говорила же, что в глянце работаешь.

Я медленно кивнула, пытаюсь догадаться, куда он клонит.

— Значит, будешь работать по назначению. Почти... по назначению. Писать заказные тексты для тебя ведь не редкость?

Да если бы ты только знал... но я постаралась даже краешком мысли не задевать того опаснейшего факта, что один такой текст стоил ему очень и очень дорого. Не дай бог что-то такое отразиться на моём лице, что привлечёт его хищное внимание.

— Тексты — моя специализация.

— Замечательно. Будешь писать тексты.

— О чём? О ком?

— Обо мне.

Э-э-э-э-э...

Моё ошарашенное лицо наверняка его впечатлило, но мучить меня неизвестностью он всё же не стал, смиростивился:

— Мне нужен автор для большого материала с прицелом на биографию.

— На... на что, простите?

— Сначала напишешь статью. Объёмную, информативную. И если она меня устроит, напишешь обо мне книгу.

Да он... да он спятил!

— Книгу? Какую ещё книгу? Я никаких книг не пишу и никогда не писала!

— Поправимо, — «успокоил» меня Разумовский. — Тем более что я тебе такого задания пока не давал. Понятия не имею, на что ты способна. Может, тексты у тебя — дрянь. Но скоро мы это узнаем.

Звучало предельно сюрреалистично. Нет, я не могу взяться за... за такое. Это кошмарно огромное количество сил и времени. А времени у меня как раз и не было! Ну, ладно ещё статья, но книга? Бред!

Да только кто меня упрашивать будет? Разумовский и не подумал давать мне время на раздумья.

— Так что, Саша, работа или тюрьма? Я не привык так много времени тратить на решение таких мелких задач. Выбирай. Сейчас. На что ты себя обрекаешь? Идёшь в неволю помощницей ко мне или гордой птицей в пенитенциарную клетку?

Он меня надёжно обложил по всем фронтам. Загнал в угол, откуда не выпустит, пока не добьётся ответа. И из этого угла я отправлюсь либо к нему в кабалу, либо напрямик за решётку.

Но мама, Светка, Данила... Да и какая идиотка при наличии хоть какой-нибудь, даже самой безумной альтернативы,

предпочла бы застенки?

Чтоб тебя черти побрали, Разумовский. Тебе эта дикая затея выйдет боком! Ты подпускаешь к себе ту самую Смехову, которая однажды чуть тебя не потопила!

Я подняла на Разумовского взгляд, стиснув дрожавшие пальцы в замок, и прошептала:

— Помощницей.

Глава 4

За последние несколько месяцев его жизнь значительно усложнилась.

И всё началось с той разгромной статейки в блоге какой-то грёбаной искательницы правды. Откуда только взялась эта помоечная крыска? Из какой занюханной норы выползла?

Эта Смехова совершенно точно не слыла индустриальным журналистом, никаких регалий за душой не имела. Чёрт, да у неё и истории-то никакой не было. И цифровой след её, сколько ни ищи, до сих пор так и не прошупывался. За этой мутной девкой почти наверняка кто-то стоял. Кто-то, кто помогал ей замечать любые следы и до сих пор с подозрительным успехом избегать обнаружения.

Но это временно. Она никуда не уйдёт. Он до этой любительницы срывать покровы ещё доберётся.

И для него это даже не дело чести. Своё эго он умел держать в узде и им не размахивать, когда в том не было исключительной надобности. Просто таких вот фанатов покопать-ся в чужом, как им казалось, грязном белье, стоило прижучивать сразу, пока они не расплодили вокруг себя культ и иллюзию вседозволенности.

Деньги любят тишину. Репутация важна. Истина в объективном ключе никогда не будет выше личной правды любого, заинтересованного преуспеть.

И что самое главное — любые громкие разоблачения могут оказаться пустышкой, откровенным обманом. Ничуть не меньшим грехом, чем тот, который автор разоблачения пытается вскрыть и представить на суд безгрешной общественности. Особенно если разоблачители не трудятся проверять источники, из которых получают свою сенсационную информацию.

Как бы то ни было, тот вожделенный контракт он всё-таки упустил. Вынужден был.

Он мог бы выступить с опровержением. Без особенного труда опрокинуть всё, что эта проницательная дрянь написала, но... не стал этого делать. Осознанный выбор. Обелить себя, подставив дорогого тебе человека? Нет, на такое он не пошёл бы.

И он не пошёл.

Пережил. Смирился. Вынес необходимый урок.

Тем более что умение держать удар — одно из главных в жизни.

Тем более что впереди маячили новые перспективы и новый, не менее важный контракт.

Но только-только всё стало налаживаться, как на тебе — это.

«Это» в виде перепуганной до смерти девчонки. Правда, воровка с глазами испуганной лани — всего лишь инструмент, пусть и почти успешно сработавший.

Сегодняшнее проваленное ограбление — яркое тому до-

казательство. Тот приснопамятный блог — далеко не одноразовая акция. Не попытка отжать у него конкретного партнёра или клиента. Это попытка вывести его из игры на долгое время, а то, если повезёт, и навсегда.

Кто за этим стоял?

Давид сканировал взглядом застывшую у его письменного стола «взломщицу».

Да чёрт его знает. Но он не Разумовский, если не доберётся до глотки того, кто дёргает за невидимые пока ниточки, прикреплённые к этим изящным ручкам и ножкам.

Другое дело что и девчонка наказания не избежит.

Мало того что она потенциальный источник бесценной для него информации, она ещё и заслужила урок.

Потому что за всем этим шоком, растерянностью... что-то крылось такое, пока от него ускользавшее.

Нет, эта Саша действительно испугалась, но... его не покидало ощущение, что она что-то скрывала, пусть и не в буквальном смысле, потому что бумаги остались лежать на столе. Нет, она не во всём ему согласилась признаться. Что-то ещё оставалось для него неизвестным, недопонятым.

И не исключено, что это «что-то» — исключительно важная вещь. А он совсем не в том положении, чтобы манкировать даже потенциально важными вещами.

Потому что уязвимости — это не про него. Уязвимости — это роскошь, которую он себе позволить не может.

Оставалось лишь доломать остатки порядком истощивше-

гося сопротивления его неожиданной гостью:

— Так что, Саша, работа или тюрьма? Я не привык так много времени тратить на решение таких мелких задач. Выбирай. Сейчас. На что ты себя обрекаешь? Идёшь в неволю помощницей ко мне или гордой птицей в пенитенциарную клетку?

Неужели стать на время помощницей миллиардера — такой уж невыносимый кошмар? Ну, не ломайся, девочка. Соглашайся, и покончим с этим.

Несостоявшаяся грабительница сцепила дрожавшие пальцы в замок, покусала губу и наконец подняла на него взгляд.

Ну и глазищи. Не глазищи, а зелёные, мать его, омуты...

— Помощницей, — прошелестела она.

Умница. Правильный выбор. В конце концов, она же не одна на всём белом свете...

Его взгляд машинально скользнул на её тонкие бледные пальцы.

Ну, если супруга у неё пока и нет, то парень-то есть уж точно. И родители. И друзья. А она из-за глупого проступка всю жизнь себе поломает.

И во всём будет винить, конечно, его, а не тех, кто её на такой вот идиотизм подтолкнул, наверняка пообещав золотые горы и полную амнистию.

— Глаза не обманывают, — отозвался Давид.

— Что?..

— Сказал же, глаза у тебя умные. По-умному и поступила.

Провокация сработала чётко. В её глазах снова что-то мелькнуло — настороженное, почти недоброе.

Девчонка с секретом. Непростая девчонка.

— Ладно. Вопрос мы решили. Выдвигаемся.

Она тут же насторожилась.

— К-куда?

Он притворился, что удивлён:

— Ты же не думала, что мы тут и застрянем? Я здесь не живу. Квартирую, когда надолго застреваю в столице. Нет, мы едем за город.

Правонарушительница в усеянном блёстками чёрном платьишке бледнела у него на глазах.

— Не беспокойся, — усмехнулся Давид, подошёл к двери, отворил её и пригласил охрану внутрь, — домой мы тебя подвезём. Возьмёшь всё необходимое, объяснишься с родными. Скажешь, работа хлебная подвернулась. Не знаю. Что-нибудь сообразишь. Ты же умная.

Не обращая внимания на её шок, он поручил забрать папку с бумагами и проверить код сигнализации около сейфа.

Один из охранников обернулся:

— Давид Саныч, её обыскать?

К слову. Безопасностью пренебрегать всё же не стоит.

Давид перехватил её уже откровенно паникующий взгляд:

— Не нужно. Я сам.

Глава 5

Один из бритоголовых здоровяков обернулся к своему хозяину и буднично пробасил:

— Давид Саныч, её обыскать?

В тёмных глазах Разумовского что-то вспыхнуло. Но лишь на мгновение. Он обменялся взглядом с вопрошавшим охранником, медленно покачал головой и... двинулся прямо ко мне.

— Не нужно. Я сам.

Все мои внутренние системы сигнализации завопили во всю мощь, и я как будто даже на мгновение оглохла от их беззвучного воя. Он это ведь... он это ведь в шутку? Просто чтобы продолжить эту свою тактику методичного запугивания, верно?

Нет, скрывать мне от него было нечего, но... он что, серьёз вознамерился меня обыскивать?

Охранники послушно отвлеклись на сигнализацию. Их хозяин перевёл взгляд на меня, чуть приподнял подбородок:

— На шаг от стола.

Я повиновалась, будто дрессированное животное. Суровый тон, которым он сейчас со мной говорил, не допускал ровным счётом никаких возражений.

Неудивительно, что такой человек стоял во главе целого конгломерата. Он умел приказывать.

Но пусть моё тело и слушалось, разуму ничто не мешало всё это регистрировать, анализировать и хоть как-то реагировать на подобные недопустимые манипуляции.

— П-послушайте... Вы... это... это разве в нормах приличий?

— О-о-о, — густые чёрные брови приподнялись в ироничной усмешке, — поговорим о приличиях? С грабительницей?

Риторический вопрос так и повис в сгустившемся воздухе — мне будто сложно стало даже дышать, не то чтобы бороться за собственную безопасность.

Он приблизился ко мне вплотную. Ноздрей моих коснулся едва слышный терпковатый аромат дорогого парфюма. Я вбирала его в себя взглядом, будто пыталась в рекордные сроки адекватно оценить масштабы угрозы.

Господи, до чего ж высокий... Мощное, тренированное тело. Мышцы, чей рельеф не мог скрыть даже безупречный крой строго костюма. Разумовский явно следил за собой.

И от этих мыслей мне становилось страшно. По-настоящему, до животной дрожи страшно стоять так близко к нему.

В этом человеке крылось что-то беспощадно звериное.

— К слову о манерах, — накрыл меня его низкий бархатный голос. — Страшно сказать, но главная формальность не соблюдена именно мной.

Я заморгала, ничего не соображая. Да и как вообще можно было соображать в непосредственной близости с этим

зверюгой?

— Я не представился.

Его фраза была до того неожиданной, что я едва успела подавить истеричный смешок. Грандиозная в своём идиотизме ситуация. Меня готовится обыскать столичный магнат с внешностью полубога, которого я только что пыталась ограбить. Он силой склонил меня к ненавистному сотрудничеству, едва не прижимает к стенке и... тут ну вот самое время обменяться визитными карточками!

Боже, в какой цирк-шапито всего за несколько минут безумного вечера превратилась моя до сих пор относительно пресная жизнь...

— Давид Разумовский.

— Н-наслышана, — пролепетала я.

— Вот как? — карий взгляд пытался прочесть на моём лице продолжение.

Опасно, Сашка, опасно! Мели что угодно, но не позволяй ему ничего спрашивать!

— Н-ну... ну кто же не слышал? Я же из глянца. Знаете, все эти сплетни и светские хроники, и...

— Знаешь наперечёт всех моих бывших любовниц? — уголок его рта приподнялся, демонстрируя безукоризненно белые зубы.

Зверь как есть.

Я непроизвольно сглотнула, молясь всему и вся, чтобы он не надумал зацепиться за мои слова о наслышанности.

— Н-не настолько. Я вашими... вашей личной жизнью не интересовалась.

— Не в твоём вкусе?

— Э... это к делу вообще никак не относится.

Карие глаза буквально пили мою нервозность, будто действительно подпитывались ею. Господи. Да он же намеренно выбивает меня из колеи. Наверняка же знает, как пользоваться своими природными данными. Умеет, знает, практикует.

Умная, хитрая, страшная зверюга.

Знала бы я, каков Разумовский в реальности, взялась бы когда-нибудь за ту роковую статью? Ой не знаю. Ой не уверена...

— Боюсь тебя разочаровать. Но почти наверняка относится.

Я вылупилась на него:

— Т-то есть?

— Ну как же? То дело, в котором ты с таким энтузиазмом подвизалась мне помогать, предполагает близкое знакомство с моей личной жизнью. Читатели должны увидеть во мне человека.

— Боюсь, — я снова сглотнула, — боюсь, передо мной непосильная задача.

Его усмешка стала шире, даже слегка задела внимательный карий взгляд.

— Не будем с порога ставить крест на моей новой помощ-

нице. Мне нравится твой острый язык, Саша, — неожиданно признался он. — И нравится, что ты не боишься его продемонстрировать.

Прозвучало как-то кошмарно двусмысленно. Или это просто мои взвинченные нервы заставляли слышать в его словах совершенно неприличный контекст.

Но как следует ужаснуться я не успела.

— Подними руки в стороны, на уровне плеч, — скомандовал он.

Я подчинилась. Смысла упорствовать не было.

Для человека такой могучей комплекции прикосновения его оказались удивительно деликатными. Его ладони аккуратно и бесстрастно прошлись по моим бокам и бёдрам, неожиданно переместились на открытую спину, и я затаила дыхание.

— Чисто, — резюмировал он и опустил насмешливый взгляд вниз, на мои голые ноги. — Пожалуй, там проверять особенно нечего.

— Сами видите, — выдохнула я, и Разумовский смилостивился, кивнул.

Но лишь когда он отступил от меня на пару шагов, я смогла опять задышать.

— Хорошо. Тут мы закончили. Едем.

И от этого слова меня словно током прошибло. Реальность врезалась в меня с беспощадностью мчавшегося на полном ходу локомотива.

Господи, как я всё буду сейчас объяснять матери?

И что делать со Светкой, дожидавшейся меня сейчас внизу?!

Глава 6

Встречавшую меня внизу подругу нужно было видеть. Лицо Светланы претерпело феноменально быструю смену эмоций от искреннего облегчения до полнейшего ужаса, когда в поле её видимости появилась я... в сопровождении Разумовского и его охраны.

Я обернулась к своим тюремщикам.

— Мне нужно с подругой поговорить. У неё мои вещи.

Разумовский коротко кивнул, явно уверенный в том, что я не позволю себе никаких необдуманных поступков. А моя голова после всего пережитого сейчас была слишком пустая, чтобы спасти меня какими-нибудь креативными решениями.

— Свет, я в порядке, — вытащив из онемевших рук подруги свои плащ, я перевела дыхание и затараторила. — Не могу сейчас ничего объяснить. Короче, сама видишь. Я попалась.

В светлых глазах подруги застыл настоящий ужас, и я поспешила закрыть обзор на неё своим спутникам.

— Но он ничего обо мне не знает, не тарачи так глаза, пожалуйста, — взмолилась я, натягивая плащ. — Сохраняй спокойствие. Мы... мы пришли к компромиссу. Долго объяснять. Просто... я в норме. В относительной норме. Слышишь меня?

Подруга медленно кивнула, не оставляя попыток выглянуть из-за моего плеча.

— Светк! — шикнула я. — Не пялься ты на него! Я позже всё объясню. Как только до пункта назначения доберусь.

— До... до чего?

Фух...

— Я еду с ними. Таковы условия. Говорю же, не могу сейчас ничего объяснить. Но ты мне нужна, Свет. Очень нужна. На ближайшее время перебираешься жить ко мне, слышишь? За мамой нужно приглядывать. Давление мерить и вот это вот всё. А я пока буду со своей бедой разбираться.

— Саша... Саша, они что... они тебя в заложницы берут?!

И хотела бы я запротестовать, обозвать её паникёршей, но ведь Светка была в целом права. Я заложница сложившейся ситуации и, если предметнее, того, кто сейчас этой ситуацией в полной мере владел.

— Не мели ерунды, — буркнула я, проверяя содержимое сумочки. — Говорю же, нам удалось договориться. Но есть важный нюанс. Сейчас мы заедем ко мне домой. Я как-то объясни свой срочный отъезд матери, а ты стой рядом и всему поддакивай. Свет, это сейчас очень важно. Иначе...

Я вдруг осеклась, дыхание перехватило, а сердце заколотилось так, будто меня накрывала паническая атака.

Вот-вот кто-нибудь из охранников уставшего ждать богача попросту оттащит меня от подруги и поволочёт из здания, наплевав на то, как это выглядело со стороны. Я почему-то

не сомневалась, что всё будет именно так.

— Иначе, Свет, я не справлюсь.

Подруга расслышала отчаяние в моём голосе и наконец нашла в себе силы перестать пытаться объять разумом необъятное прямо здесь и сейчас.

— Саш, я с тобой. Только... а как же теперь с Данилой...
Имя брата отозвалось глухой болью в самом сердце.

— Буду думать. Но прямо сейчас я решаю проблемы по мере их поступления.

Светлана кивнула и больше ни слова не вымолвила, пока наша исключительно странная компания, загрузившись в шикарное авто Разумовского, добиралась до нашего спального района.

Домой меня отрядили в компании одного из охранников, который был чуть разговорчивее своего приятеля и в целом производил чуть менее угрожающее впечатление.

На сборы мне дали полчаса. Я и не подумала торговаться.

Влетела домой, обняла маму и спешно наговорила какой-то фальшиво восторженной ерунды, мол, на вечеринке познакомилась с каким-то богачом-филантропом, возмечтавшим нанять меня для написания большущей статьи о его семье и быте.

Нет времени объяснять, но ехать нужно сейчас, поэтому, мамочка, считай это неожиданной командировкой.

Но деньги платят ого-го какие.

И Света за тобой присмотрит.

И я скоро вернусь.

И ты главное не переживай. Тебе нельзя волноваться.

Мама только и успела растерянно спросить, куда же я вот так прямо на ночь глядя.

А я, швыряя одежду и всякую важную мелочь в дорожную сумку, разливалась соловьём о «командировке» и объясняла, толком ничего не объяснив.

Я старалась не думать, ни в коем случае не думать о безнадёжности своего положения.

Иначе — всё. Иначе просто свалюсь вот тут, на родной ковролин и сломаюсь от невероятного напряжения.

От того, что не знаю, что я творю и что меня ждёт.

Зато знаю, что мне нужно вытащить из кабалы брата и нужно защитить от любых переживаний мать.

Всё остальное шло параллельно — не такое уж срочное. Не такое уж важное.

И надо же — ровно через полчаса я действительно покинула родную квартиру, забралась в безобразно роскошный салон авто Разумовского, и помчалась в полнейшую неизвестность.

Всю дорогу мой спутник молчал, что-то просматривая у себя в телефоне. Охранники и вовсе вели себя как неживые.

До загородного особняка Разумовского мы добрались поздней ночью.

К тому времени адреналин меня отпустил, и я сама себе

напоминала несколько раз выжатый и прокрученный через мясорубку лимон.

Наступал этап полнейшей апатии.

Всё, чего мне хотелось, лечь где-нибудь в уголке, свернуться в клубочек и попросту отключиться.

Но Разумовскому и тут удалось вынуть почву у меня из-под ног.

Под удивлённые взгляды домашней прислуги меня проводили на второй этаж. Мои вещи сгрузили в просторной, элегантно убранной комнате. Мне сообщили, что все удобства дома в моём распоряжении, а ужин мне принесут. Я машинально кивала, растерянно озиралась и посматривала через открытую дверь в коридор, будто на полном серьёзе раздумывала, как бы сбежать.

А потом в коридоре появился хозяин. Взялся за ручку двери комнаты прямо напротив моей, обернулся и встретился глазами с моим ошарашенным взглядом.

— Наши комнаты рядом, — подтвердил он мои опасения, и его пронизательных глаз коснулась понимающая усмешка. — На доверии в наше время далеко не уедешь, согласна?

Глава 7

До Данилы я смогла дозвониться только на следующее утро, всю ночь проворочавшись в чужой роскошной постели.

Всё здесь кричало о том, что мне тут не место. Что нужно выдумать какую угодно причину, какой угодно предлог, только бы поскорее отсюда смыться, но за всю бессонную ночь ничего мне на ум так и не пришло.

Отключилась я ближе к рассвету, а очнулась часа через четыре с раскалывавшейся головой и горьким разочарованием — вчерашнее отказывалось становиться всего лишь ночным кошмаром.

Пришлось смириться — я стала невольной помощницей сволочи Разумовского, которого всем сердцем мечтала разоблачить. Моя судьба отличалась исключительно жестокой иронией.

— Данила? Господи, наконец-то я до тебя дозвонилась! Ты... вообще как?

— Да вот только телефон в руки взял, — голос у брата звучал устало, — я сегодня в ночную, и только сейчас увидел, сколько от тебя пропущенных.

Чёрт-чёрт-чёрт! Я из-за всех безумств вчерашнего дня совершенно забыла, что у него смена ночная.

— Тебе... м-м-м... не звонили?

— Насчёт долга?

— Мгм, — я прикусила ноготь большого пальца, сдерживая себя от паники. — Никто не пытался связаться?

— Нет. Пока нет. Ну, они же сказали типа до октября...

Я ненавидела эти наши с ним разговоры. А в последние месяцы они были именно такими. Люди, которым Данила задал жал из-за совершеннейшей безнадеги, дали четко понять — до середины осени они подождут. Дальше... об этом я старалась не думать.

Как старалась не думать, принимая предложение впечатлившихся моим нагумевшим репортажем анонимов, заказавших мне раздобыть те чертовы бумаги. Потому что эти деньги не просто могли нам помочь — они почти покрыли бы всю сумму долга, и за одно это я пошла бы на многое. Ради брата и мамы я пошла бы на всё.

Только бумаг теперь нет. Я в кабале у их законного владельца.

А брат пашет порой по три смены, только бы заработать хоть что-то.

Мы надеялись уломать «кредиторов» в октябре дать нам отсрочку, и я раздумывала над отчаянным шагом — продать нашу квартиру. Либо мы будем ночевать под мостом, либо Данила, считай, не жилец. Это держатели его долга тоже дали понять с абсолютнейшей ясностью.

Того самого долга, который нам не пришлось бы платить, если бы не Разумовский!

— Ты матери позвони. А то она ведь волнуется.

— Ага, — Данила вздохнул. — Ты вообще как? Позавчера говорила, у тебя какое-то задание важное...

Я сжала телефон онемевшими пальцами и медленно, очень медленно выпустила воздух из лёгких.

— Там... не совсем всё получилось, как я планировала. Я сейчас вообще-то... в отъезде. Со вчерашнего дня.

— Далеко?

Я невольно метнула взгляд в окно — на пока ещё зеленевшие кроны незнакомых деревьев.

— За городом.

— Опять какое-нибудь расследование? — усмехнулся Данила. Он ничего не знал о моём крестовом походе против Разумовского. Не могла я на его плечи ещё и это сейчас вешать.

— Возможно. Не знаю. Там будет видно. Ладно. На связи. Ты звони, если что.

— И ты.

И я, само собой. С тех самых пор, как Данилу, что называется, поставили на счётчик, я связывалась с ним регулярно. Три дня без звонка — и меня уже выворачивало. В довесок к этому приобрела настырные кошмары о том, как люди, которым он задолжал, передумали ждать до октября и решили свести с ним счёты пораньше.

Под боком тряслась его невеста Светка, успевшая к этому времени обегать всю родню и знакомых в попытках собрать хоть какую-то часть необходимой суммы.

И мама... которая знать не знала о происходившем. Её слабое сердце всего этого не вынесло бы.

О том, как оно перенесёт то, что могло воспоследовать, я себе думать совсем запретила.

Сейчас было время тяжкой работы и попыток выкарабкаться. Причитать и плакать время пока не настало...

Я отложила телефон и поплелась в душ. Приближалось время столкновения с неизбежным. И неизведанным. Я понятия не имела, чего стоило ждать от новой встречи с хозяином этих фешенебельных хором, и теряться в пустых догадках не собиралась.

Правда, мои планы подкрепиться до нашей встречи канули в пропасть.

Стоило мне спуститься по широченной лестнице вниз, как подскочивший ко мне паренёк в униформе объявил, что сопровождает меня к завтраку.

Брыкаться смысла не было. Тем более что есть мне хотелось, даже несмотря на скрутившиеся в узел внутренности. Нервы нервами, а без пропитания надолго меня не хватит.

Тем более когда впереди общение с непредсказуемой и опасной «зверюгой».

Пока меня вели анфиладой роскошных, залитых бледным светом пасмурного утра комнат, не к месту вспомнилось, как он возвышался рядом со мной, абсолютно уверенный в собственной власти...

Зря я об этом вспомнила. Уверенности в будущем общении с ним мне это никак не придавало.

Парень из obsługi вывел меня прямиком на примыкавшую к столовой террасу. Там в окружении живописной садовой зелени за накрытым столом сидел Разумовский — с планшетом в руках и почти съеденным завтраком.

Ч-чёрт, я не ожидала так скоро снова с ним встретиться! Он поднял на меня свой крайне неласковый взгляд, сухо кивнул.

— Утро доброе.

В этом я засомневалась.

— Доброе, — я послушно уселась на стул, отодвинутый для меня всё тем же пареньком.

Разумовский отложил планшет на край стола и продолжил совершенно обыденным тоном:

— Начинаем знакомство с обмана? Не лучший способ заслужить моё прощение, Саша.

Глава 8

Мне очень-очень повезло, что я уже сидела. Обратись он ко мне с этими словами чуть раньше, и я наверняка уселась бы мимо стула.

Все мысли о завтраке выветрились из моей головы. К горлу подкатила тошнота. Я шарила взглядом по столу, то и дело цепляясь им за планшет — наверняка, ему уже прислали на меня полное досье. Ну вот как в фильмах шпионских показывают. Пока я спала, армия верных ищеек Разумовского вскрыла все мои секреты, и сейчас...

— П-простите?

И без того выразительный взгляд под тёмными густыми бровями приковался ко мне намертво.

Разрешите отметить, когда Разумовский дарил вам своё внимание всецело, вы это кожей могли ощутить. Никогда бы в такой эффект не поверила, но сейчас я его на себе испытала.

— Отмотаем назад? Вернёмся к нашему с тобой в высшей степени нетривиальному знакомству.

Нетривиальное — это ещё мягко сказано. Очень мягко. Когда оное начинается с обыска и экспресс-переезда во владения нового знакомого — это выглядит скорее как больная фантазия.

— Стоит ли? — прохрипела я и кашлянула, пытаюсь спра-

виться с неожиданным комом в горле.

— Боюсь, что придётся, — сожаление в голосе моего собеседника было насквозь фальшивым. — Начинаясь воровка представилась Сашей, журналисткой из глянца.

Раскусил. Раскусил. Он точно меня раскусил!

— Ну... кгм... да. Да, всё так.

Я понятия не имела, почему продолжала стоять на своём. Ведь очевидно же, что именно эта моя легенда и приказала долго жить!

— И всё бы отлично, но ты не работаешь в глянце.

Я снова прилипла взглядом к его планшету — потухший экран гаджета надёжно скрывал все секреты.

— То есть вы меня уже проверяете?

Разумовский усмехнулся, и в этой усмешке мне виделось что-то по-настоящему хищное:

— Глупости. Я ещё не начинал. Прошёлся по верхам — и сразу такой неприятный сюрприз. Вот и верь после этого людям.

Он откровенно издевался. Он прекрасно осознавал, что я целиком и полностью в его власти. И на роскошь лгать и увиливать без опаски поплатиться за это со скоростью света можно было не рассчитывать.

— Только не притворяйтесь разочарованным, — выдавила я из себя. — Можно подумать, в среде вашего обитания все сплошь безгрешные ангелы.

Разумовский откинулся на спинку стула и рассматривал

меня так, будто только сейчас впервые увидел.

— В этом и заключается горькая ирония, — проговорил он почти без улыбки. — В моём мире в безгрешность не верят и ангелов там действительно не бывает. Но вчера я подумал, что случайно на него всё же наткнулся.

Должно быть, лицо моё до того вытянулось от изумления, что сдержаться было попросту невозможно — Разумовский тихонько фыркнул и покачал головой.

— Тебя выбрали для этого... задания не просто так. Сама, видимо, до сих пор не поняла, так?

Это он вообще на что намекает? Я продолжала сидеть, как чурбан, и хлопать глазами. Разговор выворачивал на такую кривую дорожку, что предугадать его направление не представлялось возможным. Я едва успевала реагировать. Господи, да этот Разумовский во всех отношениях зверь — не физически, так ментально выбивал у меня почву из-под ног всего парой фраз.

— Саша, ты в зеркало вообще часто смотришься?

Только я подумала, что ещё неуютнее он меня сегодня чувствовать себя вряд ли заставит.

Мои руки сами собой подскочили к причёске — небрежно скрученному на затылке узлу ещё влажноватых после душа волос.

Разумовский следил за моими руками с предельной внимательностью.

— Это не ловушка. Это прямой и честный вопрос. Ты чув-

ствуешь себя неуверенно.

— Может... может, вы прекратите пытаться меня прочитать?

— Я не пытаюсь, — чувственные губы сложились в улыбку. — Я читаю.

— А можно не надо? Не надо меня... читать, пожалуйста.

— Бездна закомплексованности. Откуда?

Я приказала себе убрать руки от лица. Сцепила их на коленях, переплетя нервные пальцы.

— Оттуда. Откуда и у всех. Раз вы такой тонкий психолог, разве не знаете?

— Не все комплексы мы тащим из детства, — мой собеседник вдруг вспомнил о завтраке и отпил кофе из своей кружки. — Приятного аппетита.

Да он издевается!

В воздухе висит с десятков вопросов, которые он походя задал, так и не получив на них никакого ответа, и на тебе — «Приятного аппетита»! Да мне сейчас даже пустой кофе не полез бы в горло.

Что он обо мне знает? Как будет действовать на основе этих самых знаний? И главное, как теперь, зная всё это, действовать мне?

— Так... так с чего вы вдруг увидели во мне ангела? — не выдержала я. Его невозмутимый вид начинал выводить меня из себя. — Я ваши документы пыталась стащить. Разве ангелы таким занимаются?

Хитрый зверь ждал именно этого. Он понимал, что неизвестность пугала меня больше, чем открытый конфликт. Что, тоже прочёл это, пока вот так нахально меня здесь разглядывал?

— Полагаю, не занимаются, — с обманчивым спокойствием согласился он. — У тебя личико ангела, Александра. Поэтому легко ошибиться. Легко поверить в то, что ты наговорила. Не знала, не подумала, оступилась и больше не буду. Полагаю, ради спасения ты на многое в целом пойдёшь.

— На многое? — слабым эхом повторила я.

Взгляд Разумовского потемнел. Он стал похож на хищника, почуявшего чужой страх.

— Уверен, ты многое бы отдала, чтобы не отвечать на мои вопросы. Вряд ли они развеяли бы мои обоснованные подозрения. Скорее уж наоборот.

Пока я пыталась сообразить, что ему на то ответить, Разумовский продолжил.

— Поэтому да. Уверен, ты пойдёшь на поступки, которые уж точно не назовёшь ангельскими, — его взгляд опустился к V-образному вырезу моего свитера. — И я даже позволю тебе поторговаться. Начнём?

Глава 9

Я понятия не имела, что именно этот человек знал обо мне! Что он или его люди успели на меня нарыть, пока я спала. И это сбивало с толку, откровенно пугало, совершенно деморализовывало. Ведь не исключено, что они удосужились докопаться до чего-нибудь действительно важного, и сейчас любой мой ответ мог быть использован против меня.

Но опускаться в попытках спасти себя до такого... До того, что он подразумевал...

Чтобы озвучить степень своего шока и возмущения, у меня поначалу даже слов не нашлось.

— Вы... вы решили, что я попытаюсь... что я вам *вот так* угодить попытаюсь?

От расслабленности в позе Разумовского не осталось и следа — сейчас он походил на зверя перед прыжком.

— Не совершай ошибку — не воображай, что твои наниматели доверили тебе это задание, потому что ты ловка и сообразительна, — вся фальшивая благостность покинула его низкий голос. — Тебя выбрали, потому что ты соблазнительно смотришься в коротеньком платьице, и этот образ совсем не сочетается с угрозой или опасностью. Тебя невозможно принимать всерьёз, котёночек. Твоя ошибка в том, что ты редко смотришься в зеркало и забываешь об этом. Единственное твоё оружие — жалобный взгляд.

Я и представить себе не могла, что его слова поднимут внутри настоящую бурю. Мне так и хотелось выплюнуть этому гаду в лицо всё — всю правду. Если бы ты только знал, самоуверенная сволочь, что это я, именно я стала причиной твоих недавних головолomных неурядиц. Я! Вот этот вот самый *котёночек*!

— То есть... хотите сказать, я ни на что вообще не способна? Только разжалобить?

Карие глаза с бесстыдной медлительностью мерили меня снизу-вверх и обратно.

— Предполагаю, ты способна, как и любая другая, раздвинуть свои точёные ножки и убедить меня в том, что это не единственный твой талант.

Разумом я сама за собой не поспевала. Открытое оскорбление молотом шарахнуло по голове, я подскочила со стула, но мой собеседник и не шелохнулся.

— Я не намерена выслушивать подобное! — мой голос откровенно «гулял» от переизбытка эмоций.

Я бросилась прочь с террасы, влетела в просторную столовую и почти вышла из короткого, изгибавшегося дугой коридора в пустовавший холл, но опустившаяся мне на плечо ладонь буквально придавила меня к месту.

— Не так быстро, — раздалось у меня над головой.

И в следующий момент я уже вжималась спиной в затянутую деревом стену, а Разумовский нависал надо мной, застав собой весь белый свет.

— Поздно строить из себя оскорблённую добродетель. Это не приведёт ни к чему, только добавит тебе проблем, Александра.

Он не причинял мне боли, но держал очень крепко. Я почти задохнулась от паники и надеялась только на то, что кто-нибудь вот-вот появится и спасёт меня от этого зверя.

Разумовский и тут проявил своё звериное чутьё — прищурившись, медленно проговорил:

— Надеешься на спасение?

Да не может быть, чтобы в таком здоровенном домище он один обитал!

— Видишь ли, Александра, я живу здесь один. И не держу большой штат. Никто не мешает у меня под ногами. Не люблю суеты.

Моё сердце упало. Значит, ждать помощи попросту неоткуда. Да и кто бы, по здравом размышлении, из здешних пошёл против хозяина дома?

— А ты начинаешь вносить её в мою жизнь, даже суток тут не пробыв.

— Так... так и отпустите меня! И не будет никакой суеты!

— Слабая попытка. Никакущая. Совсем не стараешься.

— Послушайте, все ваши инсинуации...

— Поздно, — оборвал он меня, — я чую ложь, Александра. Ты ею буквально пропитана.

Он склонился чуть ближе ко мне и с намеренной выразительностью потянул носом, будто громадный дикий волчара:

— Ложью, страхом и... немного — жасмином. Необычное сочетание. Но мне нравится.

Я тарасилась на него, не понимая, как реагировать на подобное. Разумовский... я думала, что знала его. Что понимала, на какого человека охочусь.

Я ошибалась. А моя «успешная» статья теперь казалась мне просто счастливым случаем. С таким хищником справится только опытный, матёрый охотник, не уступающий ему ни в коварстве, ни в силе.

Меня же он просто... просто сожрёт и не подавится

— Вот что я думаю, девочка Саша, — низкий голос мгновенно охрип и теперь стелился по моей коже невидимой змейкой. — Ты проникла в мой дом выкрасть бумаги. Свою миссию провалила. Испугалась. Принялась врать. Ожидаемо. Я даже могу тебя оправдать. Ты в отчаянном положении, не смогла отказаться от предложения. Принял. Простил. Но... дьявол в деталях, не так ли?

Тяжёлая мужская ладонь неожиданно легла мне на бедро, заставив вздрогнуть всем телом, поднялась до моей талии и длинные сильные пальцы сомкнулись на ней в немом одобрении.

— А детали, котёночек, говорят мне о том, что игра ещё даже не началась. Что, возможно, твоя кража и не должна была увенчаться успехом. Что, возможно, совсем не документы были твоей окончательной целью.

— Не док-кументы? — ошарашенно пролепетала я. —

А... а что же?

Карий взгляд впивался в меня, уничтожая остатки моего сопротивления.

— Так ты тоже не знаешь? — с притворным удивлением проорчал Разумовский. — Что ж, значит, впереди у нас, Саша, очень много работы и невероятных открытий. В ближайшее время мы узнаем друг о друге очень много нового. Это, котёночек, я тебе обещаю.

Глава 10

То ли мне таки удалось выкрутиться из его хватки, то ли он меня сам отпустил.

Наверняка отпустил. Сама бы я из его рук не вырвалась. И тело до сих пор жгло в тех местах, где он меня касался.

Я каким-то чудом отыскала дорогу в свою комнату, заперла за собой дверь и привалилась к ней, переводя дух.

Вот это, что называется, бодрящее начало дня. Вот это гостеприимство...

Ощущение было такое, будто я из пасти льва выкарабкалась. Поджилки тряслись, адреналин до сих пор шарашил так, что я едва могла ровно стоять.

Господи-боже, вот что же я вляпалась...

Сказать, что я его недооценивала, это вообще ничего не сказать. Вот совсем ничегошеньки!

Теперь я понимала, почему с ним не связывались. Почему к интервью с ним готовились днями. Почему светская хроника любила строчить о нём бесчисленные материалы, но приставать к объекту своих одержимостей совсем не стремилась.

Разумовский мог без труда переиграть и уничтожить любого, кто полез бы к нему с идиотскими вопросами.

Я сегодня убедилась в этом на собственном опыте.

Медленно выдохнув, я так и не отыскала в себе сил от-

липнуть от двери, поэтому просто сползла по ней вниз, да там и застыла, пережидая, пока сердце перестанет пытаться выскочить из моей глотки.

Разумовский — зверь. Хитрый и безжалостный.

И я заперта в клетке с этим зверем. На, очевидно, весьма продолжительный срок.

Как выживать — я ума не приложу. Вот просто не знаю.

Как при этом справляться с миллионом остальных проблем, возникавших из-за моего нового уникального положения... даже думать об этом пока было страшно.

Тишина громадного дома давила на меня нестерпимой тяжестью.

Он сказал, что штат его хором невелик, но насколько он невелик? Здесь ведь всё относительно.

И как мне с ним общаться? И стоит ли? И какие приказы им отданы насчёт меня?

Вопросы-вопросы-вопросы.

Я не ответила на его вопросы, и он вряд ли снизойдёт отвечать на мои.

Но ведь это только начало. Да, его вопросы так и остались висеть в воздухе. Но уже то, что он не потребовал на них ответы здесь и сейчас, о многом говорило. То ли ответы на них он уже знал. То ли не видел смысла спешить с тем, чтобы вытащить их из меня...

Не спешил, не торопился. Значит, его время не поджимало.

В отличие от меня.

Но моими проблемами он вряд ли обеспокоится.

Разумовский решил устроить мне медленную пытку...

От муторных мыслей и вызванных ими переживаний меня отвлёк сигнал сообщения, заставив буквально подпрыгнуть на месте. Вынув из брюк телефон, я взглянула на экран.

Сообщение от Неизвестного номера.

Едва унявшееся сердце заколотилось с новой силой.

Дрожащим пальцем смахнула вверх. В открывшемся чате значилось самое необходимое:

«Нам известно, что произошло. Не волнуйся. Твоя безопасность гарантирована. Действуй по обстоятельствам. С тобой свяжутся позже».

Я несколько раз перечитала сообщение в параноидальной попытке прочесть что-нибудь между строк или как минимум убедиться, что ничего из очевидного я для себя из-за волнения не пропустила.

После — очистила чат и погасила экран телефона.

Вновь привалилась к двери, осторожно упёрлась затылком в тёмное дерево, устремила взгляд в потолок и медленно-медленно выдохнула.

Фу-у-у-у-ух...

Только сейчас я позволила себе полностью расслабиться.

«Твоя безопасность гарантирована».

Это ведь значит, какой бы информацией Разумовский

сейчас ни владел, она была точно не полной. Да и если рассудить с чуть остывшей головой... узнай он, что я и есть Сметхова — стал бы он в эти игры играть? Да он бы меня прямо там, за столом придушил.

Значит, раскопал что-то другое. Если вообще раскопал.

Но что это значило для меня? Мало приятного. Это значило, мне нужно собрать в кулак остатки мужества и вернуться к диалогу.

Да и не буду же я в этой спальне баррикадироваться.

Действовать по обстоятельствам — вот мой нынешний ориентир.

Всё, о чём мне сейчас нужно думать, это родные. Я делаю это ради них, я на всё пойду ради них, поэтому никаких сделок к собственным страхом.

Поднимай свою задницу с пола, Александра.

Не заставляй Разумовского воображать, будто он тебя запугал своими жестокими играми.

Да, он силён, он опасен и... ну, он умеет создавать впечатление стихийной силы, которой почти невозможно противостоять.

Но однажды мне уже удалось его подкосить. Пусть на дистанции, но всё-таки удалось.

А значит, он не так уж непобедим и не всесилен.

Зачитывая про себя, эту нехитрую мантру, я поплескала в лицо холодной водой, привела в порядок растрепавшиеся

волосы и отправилась вниз, навстречу неизвестности. Правда, сейчас ведомая не столько силой воли как таковой, сколько усилившимся чувством голода.

По уже известной мне дороге на кухню я повстречала пару кивнувших мне горничных и какого-то парня в костюме.

Они вели себя так, будто я всегда тут жила. И пока непонятно, стоило ли расценивать это как странность.

До кухни я добралась без приключений. Потому что приключения ждали меня на кухне.

Разумовский будто знал, что я тут появлюсь. Он поджидал меня во главе обеденного стола. Не сидел, а стоял, упёршись ладонями в отделанную под мрамор столешницу, и что-то читал на лежавшем перед ним планшете. Душу бы отдала, чтобы туда заглянуть!

Завидев меня, он протянул руку к тарелке с целой горой сэндвичей и пододвинул её по направлению ко мне.

— Котёнок покинул своё убежище, — констатировал он, вернувшись к планшету. — Завтракай. Сейчас принесут свежий кофе. И поговорим.

Глава 11

В его планы совсем не входило вот так с наскока её запугивать. Но и она не вела себя так, как он предполагал.

Душой Давид не кривил — девчонка выглядела ангелочком. Но стоило бы догадаться — такое пусть с виду и нежное создание не полезло бы в чужую квартиру, если бы внутреннее содержание соответствовало внешней форме.

Его чутьё подсказывало — этому нежному созданию кредит доверия выписывать не стоило. Уж точно не при таких обстоятельствах, при которых они встретились.

Он молча наблюдал за нею, пока девчонка послушно усеялась за стол и принялась жевать сэндвичи. Из кухни принесли горячий крепкий кофе, и зелёные глаза загорелись. Она поблагодарила за наполненную до краёв кружку и с готовностью отхлебнула. На личике отразилось такое блаженство, что она почти зажмурилась.

Ей-богу, он не зря её котёнком назвал.

Давид в который раз невольно пропутешествовал взглядом по её фигуре.

Хотя с такими формами тут конечно больше «кошечка» подойдёт...

Он неожиданно перехватил её взгляд, чертыхнулся про себя и, погасив экран планшета, оттолкнулся от столешницы. Не позволяя себе излишней поспешности, отошёл к ок-

ну и устался на пока ещё зелёную лужайку.

Какого чёрта, Разумовский?

Ведь и без того понятно, что её наниматели хорошо его знали. Выбор инструмента далеко не случаен.

Не Инга ли ему как-то в пылу страсти шептала: «Ох, Давид, ты ведь падок до ангелов. Даже если этот ангел порочен»?

Девчонка выглядела как невинность во плоти — вся из себя светлая и чистая. Глазищи ещё эти громадные с поволокой...

Бывшая любовница находила это исключительно милым — его тягу к чему-то светлому и чистому. Он находил это... закономерным. В его мире подобным понятиям места не было и быть не могло. Таких людей тут ели на завтрак и даже косточки не выплёвывали. Так что ничего удивительного в подобной тяге для него не было.

Другое дело, что поддаваться ей он не собирался. Такой опаснейшей глупости он не стал бы себе позволять. Он знал свои слабые стороны и надёжно их прикрывал.

Но, кажется, люди Инги имели рискованную неосторожность его недооценить. И это уже их проблемы.

Девчонка ела молча и сосредоточенно, будто он на таймер её поставил.

Времени наверху она наверняка не теряла. Сейчас функционировала как механизм — что-то для себя решила и действовала на основе этих решений.

Буквально полчаса назад она дрожала и задыхалась под ним, всерьёз опасаясь, что он позволит себе какую-нибудь безумную выходку.

Гибкое тело, напряжённое как струна. Бледное лицо. Дрожащие губы.

Давид усилием воли отогнал яркие образы, так и вспыхивавшие в его голове.

У него давно никого не было. Девчонка действовала на него странно.

И ладно бы соблазнить его попыталась.

Он снова бросил на неё взгляд — теперь уже исключительно изучающий.

Нет, с ней всё непросто. Она что-то скрывает. Помимо имён тех, на кого подвизалась работать.

Он вытащит из неё всё — не к спеху.

Давид почти предвкушал это её обнажение. Факт за фактом он стащит с неё всё, во что эта хитрая кошка укуталась, и доберётся до вожделенного — до обнажённой сути.

А там и до её нанимателей.

И ему наконец-то перестанут мешать, а он впервые за несколько месяцев вздохнёт свободнее.

Видит бог, он эту передышку более чем заслужил.

Давид бросил взгляд на часы.

Довольно. На то, чтобы набить желудок, он дал ей предостаточно времени.

Энергии у неё хоть отбавляй, чтобы ответить на его пер-

вые, самые простые вопросы.

Давид вернулся к столу и планшету. Девчонка, вцепившись в кружку с остатками кофе, следила за ним с напряжённым вниманием.

Чуяла неотвратимое.

С чего бы начать?

Не с порочных ли ангелов?

— Надеюсь, завтрак не сильно тебя разочаровал, — не поднимая головы, Давид листал пересланные ему сообщения в поисках нужного.

— Нет. В смысле, всё было... спасибо.

— Если бы ты не умчалась из-за стола, как испуганная лань, позавтракала бы нормально, — он поднял на неё взгляд и улыбнулся намеренно хищно. — Но у нас впереди ещё множество завтраков. Голодать ты не будешь.

Зеленоглазая поджала губы, но от комментария воздержалась. Можно только представить, какими красочными эпитетами она награждала его прямо сейчас в своей голове.

Но ведь это с его стороны ещё даже не провокация. Так, разминка. Им предстоит ещё только определить, где проходят те самые заветные грани дозволенного.

— Ещё кофе?

Девчонка скосила взгляд на кофейник, мотнула головой:

— Нет, спасибо.

— Не бойся злоупотребить моим гостеприимством.

— Я предпочла бы в принципе им не пользоваться.

— Это легко было сделать. Не стоило соваться в мою московскую квартиру, только и всего.

Его посуровевший тон заставил её опустить взгляд и промолчать, будто она искренне раскаивалась в своём поступке.

Вот оно, снова. Невиннейший ангел, жертва лихих обстоятельств.

Но в чате всплыло то самое сообщение, и все иллюзии мигом померкли.

— Бог с ним, — подвёл черту он. — К делу. Расскажи-ка мне, Александра, что за редакционное задание ты выполняла вот тут.

Он сунул ей планшет с развёрнутой на весь экран фотографией. Его гостья опустила взгляд на снимок, и её глаза расширились от ужаса.

— Ты не подумай, что я не впечатлён, — Давид усмехнулся. — Но на работу журналистки это мало походит.

Глава 12

Вся кровь отлила от моего лица, и на мгновение даже почувствовалось, что у меня голова закружилась.

С треклятого планшета на меня смотрела... я. Яркий макияж, рискованно короткая юбка и туфли на болезненно высоких шпильках.

Я была на задании. В прошлом году. Получила наводку и, окрылённая успехами Жанны Смаховой, к тому времени собравшей на своём блоге внушительную аудиторию жаждавших эксклюзивов читателей, вышла, так сказать, на охоту.

Ничего в том ночном клубе эдакого не было. Но там были девчонки, с которыми поговорить по душам мне удалось бы, лишь прикинувшись одной из них — любительницей ночных развлечений. Верная Светка меня тогда подстраховывала.

Но на фото... боже. На фото всё это выглядело очень многозначительно. Даже фантазию не пришлось бы напрягать. В компанию стриптизёрш и клубных ночных мотыльков я вписалась как своя.

Разумовский молчал. Моей реакцией он сполна насладился. Теперь дожидался моего ответа.

— Послушайте...

— Не пойми неправильно, тело у тебя, конечно, что надо,
— внезапно вклинился он, возвращая планшет в своё владение.

ние. — Тут, как говорится, нужно сразу руки на стол, чтобы ненароком не воздать ему должное, но... ай-яй-яй, котёночек. Как же так?

Он открыто надо мной издевался. Низкий голос пропитан сарказмом. Вёл себя так, будто на двести процентов знал, что возразить мне, в общем-то, нечего.

— Это... я... это не то, что вы... господи...

Я предсказуемо не смогла защититься. Мне требовалось время, чтобы правильно всё сформулировать. Да я даже не знала, откуда начать, чтобы ненароком не выдать о себе что-нибудь важное.

— Это фото... оно вырвано из контекста.

— Да неужели? — он снова опустил взгляд на экран, а я боролась с безумным желанием закрыть экран ладонями или ещё лучше — удалить из планшета злосчастное фото.

— Это какое-то редакционное задание?

И он даже не ошибался!

— А почему вы произносите это таким издевательским тоном? — вспыхнула вдруг я. — Почему вам такое предположение кажется недопустимым?

Разумовский перевёл на меня задумчивый взгляд:

— Потому что слишком уж много вокруг тебя невероятного, странного и необычного, котёночек.

— Да прекратите вы меня так называть! — я стукнула кулаком по столешнице.

Вот оно, опять. Мои нервы взвинтились слишком сильно,

чтобы даже пытаться перенаправить энергию в конструктивное русло. Эмоциям требовался выход.

— А как предпочтёшь? — Разумовского моя вспышка гнева совсем не смутила. — Дикой кошкой? Ночной бабочкой?

Ну и скотина...

Я медленно опустила руки на стол и приклеила ладони к столешнице, пытаюсь себя «заземлить».

— Просто... послушайте. Это — ночной клуб. И я была на задании. Я... мне поручили написать о жизни тусовщиц. Они не шли на контакт. Ну вот вообще никак. Фыркали и отмахивались. Обзывали меня училкой.

— Училкой?

— Училкой, — сквозь зубы повторила я. — Я заявила к ним в клуб в очках, длинной юбке и с волосами, скрученными в гульку. Я и подумать тогда не могла, что на их разговорчивость повлияет то, как я выгляжу.

Разумовский продолжал смотреть на меня, но его взгляд странным образом затуманился. Я уже собиралась продолжить плести свою полуправду, как он вдруг меланхолично заметил.

— А меня, пожалуй бы, это больше всего и завело.

— П-простите?..

Он кивнул на фото, а потом посмотрел на меня:

— Такие наряды простора для фантазии совсем не оставляют. То ли дело образ училки. Строгая. Недоступная.

Я силилась сообразить, что ему на это ответить, когда он вдруг — в который раз! — выбил почву у меня из-под ног.

— Но это задание тебе давал точно не глянец.

— Почему... вы так уверены?

Карий взгляд в мгновение ока потяжелел:

— Потому что ты там не работаешь, Саша. Об этом я и говорил, когда мы встретились за завтраком.

Я молчала, придавленная его словами, словно засушенная бабочка — шпилькой коллекционера.

— А раз не работаешь в глянце, значит, работаешь где-то ещё, — логически заключил он.

Я обречённо следила, как длинный палец смахивает с экрана проклятое фото и сворачивает какой-то чат.

— И такие... хм... роскошные плоды дала только поверхностная проверка. Мы ведь и суток ещё не знакомы. Боюсь представить, что меня ждёт, когда я заруюсь поглубже.

По спине у меня пополз колючий холод.

Да он и представить себе не может!

Но как я могла предотвратить надвигающуюся катастрофу? Оставалось уповать на заказчиков — мне пообещали полную анонимность и пока ни разу не подвели. Но опять же, раньше мне не приходилось сталкиваться с угрозой уровня «Разумовский». Это как из полного штиля попасть в самый страшный шторм. К такому просто невозможно быть готовой!

— Всё верно, — севшим голосом отозвалась я. — Не ра-

ботаю я ни в глянце, ни... нигде. Работаю на себя.

— Больше похоже на правду.

— Правда и есть, — огрызнулась я. — Я вот уже несколько лет как фрилансер. Вот и вся тайна.

— А про глянец зачем врала?

— Затем что так вы бы меня уж точно всерьёз не восприняли. Может... за дуру бы приняли. Отпустили бы... на это и понадеялась.

Я уткнулась взглядом в стол, но ненадолго.

Разумовский вдруг показался в поле моей видимости. Уткнулся бедром в ребро стола, а его указательный палец вдруг оказался у меня под подбородком, вынудил поднять голову.

Я снова встретилась с его испытующим взглядом:

— Я же тебе говорил, — его глаза медленно скользили по моему лицу. — Ты умная. Слишком умная, чтобы сойти за пустоголовую дурочку.

— Раз сойти не смогла, значит, не слишком-то умная, — пробормотала я.

На губы Разумовского выскользнула едва приметная улыбка. Он склонился ко мне и проурчал:

— Умная и коварная — разные вещи. Хоть глаза у тебя и бесстыже зелёные.

Я ни с того ни с сего начинала тонуть в его взгляде. Но он одним махом вышвырнул меня прямоком на жёсткий берег:

— И раз ума в тебе достаточно, то ты не станешь юлить

и расскажешь мне, что за сообщение получила, пока была наверху.

Глава 13

Зелёные глаза превратились в плоски. Боже, как же легко её всё-таки вывести из равновесия. Он почти чувствовал себя виноватым. И он бы позволил этому чувству осесть где-то внутри и пустить свои опасные корни, если бы точно знал, что она не блефует.

Если бы точно знал, что в этом никак не замешана Инга и её бесконечные интриги, её вечные попытки вернуть его, не считаясь ни с сомнительностью методов, ни с моралью, ни с его остывшими чувствами.

Чувствами... а были ли чувства?

Было ли хоть что-то, кроме животной тяги и желания эту тягу хоть как-нибудь притупить.

Это было бы так уместно, так складно и настолько в её стиле. Подослать к нему вот такую «перепуганную» малышку, всю в проблемах и заботах о собственном будущем. Уязвимую и притягательную в этой своей уязвимости.

Он смотрел на её бледнеющее от его вопроса лицо. Нет, так не пойдёт.

Тут где-то притаилась опасность. Он рискует с ней заиграться.

Самое время сдать назад. Основательно.

Потому что её испуганный взгляд начинал будить в нём почти искреннее сожаление, что знакомство у них не зада-

лось.

Какое, мать твою, Разумовский, знакомство?

Ты забыл, кто перед тобой? Несостоявшаяся воровка с ворохом секретов за душой. «Засланный казачок» — это как пить дать!

С каких это пор вот такая милая мордашка заставляла тебя раскисать?

Ей самое время узнать Разумовского, которого знают его деловые контакты и весь окружающий мир.

Ему самое время выехать в свет и погасить напряжение старым как мир способом — благо, желающих провести в его компании пару незабываемых вечеров пруд пруди.

Иначе примитивная физиология вмешается в его планы, а эта девчонка — последняя, с кем он позволит себе хоть что-нибудь. Такие не увлекают всерьёз. Такие, как мотыльки, — подлетев к большому огню, неизбежно сгорают.

Бабочки-однодневки.

— Сейчас самое время сказать хоть что-нибудь, — он бросил нависать над столешницей, придвинул планшет поближе к краю стола и опустил на стул, чтобы снизить градус напряжения. — Твоё молчание наводит на мысли.

Девчонка выдохнула, стараясь сделать это как можно более незаметно, и буквально заставила себя снова встретить его взгляд:

— Откуда вам известно о сообщении?

Хитрый котёночек пытается нащупать пространство для

манёвра. Узнать, что известно ему. Но было в её вопросе что-то ещё — тон её голоса изменился. Ещё чуть, и он зазвучал бы требовательно.

Предположим, он задел за живое.

— Позволяю тебе включить свою фантазию на полную мощность. Но прежде чем вместе порассуждать над этой задачей, я хотел бы услышать ответ.

Пока он говорил, из зелёного взгляда выветривался всякий намёк на испуг. Его заменяло что-то другое. Отстранённость, сосредоточенность, решительность?..

Что, у них впереди очередной раунд вербальной дуэли?

— Мои сообщения — моё личное дело.

Давид прищурил один глаз и цокнул языком:

— Э-э-э-это очень спорное утверждение. Особенно если учитывать наши не слишком-то тривиальные обстоятельства. Сама понимаешь, мой уровень доверия к тебе колеблется где-то ниже нуля. При этом ты в моём доме и в опасной близости к телу.

Последняя фраза ожидаемо вогнала её в краску. Он ненавидел это признавать, но смущение ей шло. И он использовал всякий удобный повод, чтобы его в ней спровоцировать.

— Хотела бы вам напомнить, что вы меня сами сюда притащили. Я к вам в гости не напрашивалась!

— Спорить было бы глупо, — Давид откинулся на высокую спинку стула и скрестил руки на груди. — Но мне необходимо держать тебя в поле зрения, хоть я и не в восторге от

перспектив. И поэтому меня вряд ли можно винить за стремление максимально себя обезопасить.

— Что, я представляю какую-то опасность для самого Давида Разумовского? — неожиданно фыркнула она.

И это выглядело слишком забавно. Если бы не заставило его задуматься. А она может?..

Он разглядывал её пылавшее лицо и пытался понять, может ли она представлять для него серьёзную опасность. И, возможно, речь сейчас шла не только о бумагах и происках посторонних...

— Своих врагов нельзя недооценивать.

— Наверное, я должна быть польщена таким высоким статусом.

— Я говорю не о тебе. Не льсти себе, котёночек. Ты лишь инструмент. Но стоящие за тобой люди проявляют удивительную настырность в попытках меня потопить. И вопрос требует разрешения. Поэтому...

Он выдержал драматическую паузу:

— ...я спрошу тебя снова. Что за сообщение ты получила?

Она покусала верхнюю губу, прежде чем нехотя ответить:

— От мамы. Она волнуется за меня.

Врёт? Не врёт? Это сейчас критической важности не имело. Он хотел, чтобы она знала — глаза у него повсюду. Здесь для неё безопасного места нет. Это будет держать её в необходимом напряжении.

— А теперь ваш черёд. Откуда вы узнали о сообщении?

Давид с намеренной ленцой усмехнулся:

— Сама-то как думаешь?

Сейчас что-то будет. Девчонка погрузилась в размышления:

— Вы не могли ничего сделать с моим телефоном. Он всегда был при мне.

— С этим сложно было бы спорить.

— И не виде... — она осеклась и уставилась на него в немом ужасе.

Оперативно соображает.

— Камеры...

Он следил, как её и без того порозовевшее личико теперь пошло багровыми пятнами.

— Вы за мной... вы подсматривали?!

Был бы у него стыд, ему стало бы стыдно. Но видеть её возмущение, эти эмоции, бьющие через край... Это почти заводило.

— Не беспокойся. В душевой камер нет.

Она так и не смогла ответить ничего внятного. Вскочила из-за стола, чтобы наверняка снова сбежать, поэтому он решил додавить. Он не позволит ей расслабляться.

— По крайней мере, пока. Но всё может измениться, котёночек. Если я этого захочу.

Если я тебя захочу.

Глава 14

Завтрак в моём желудке делал сальто, пока я осмысливала сказанное Разумовским. А он как ни в чём ни бывало, подхватил со стола свой планшет, захлопнул чехол и отбыл в неизвестном направлении.

Напоследок лишь бросил:

— У меня дела. Буду отсутствовать до завтрашнего утра. Постарайся не доставлять мне лишних хлопот.

И стоило ему покинуть столовую, как ему на замену, будто по волшебству, появился долговязый парнишка в строгом костюме, до того неестественно отглаженном, что выглядел в нём как неживой.

— Добрый день. Меня зовут Алексей. Давид Александрович назначил меня вашим персональным помощником.

Я невольно поёжилась, бросая опасливые взгляды по углам комнаты. За нами наверняка даже сейчас наблюдали.

Это же кошмарный кошмар. Это же ни шагу влево, ни шагу вправо...

— Привет, Алексей, — обречённо отозвалась я и выбралась из-за стола. — Пока ничего не нужно, спасибо.

Остаток дня прошаталась по особняку без особой надежды набрести на какие-нибудь ценные находки. Да какие находки, когда всё, чем были заняты мои мысли, это прокля-

тущие камеры!

С другой стороны, чего ещё ожидать от человека его статуса и уровня доходов? Само собой, система безопасности тут сумасшедшая... Если мне и удастся когда-нибудь разжиться хоть какими-то ценными сведениями, я их получу непосредственно от хозяина. А лезть с поисками под камеры... не настолько я ещё отчаялась.

Но всё же если он предполагает, что неуязвим в этой своей крепости, то у меня для него плохие новости. Он рассчитывает, что его манипулятивные техники окончательно выбьют из меня желание сопротивляться.

Знал бы ты, Разумовский, кто сейчас сидит у тебя под самым боком.

Однако же ночью, прежде чем забраться в постель, я два раза проверила замок на двери и ещё пару раз — все свои сообщения на телефоне. Приходилось признать — техники моего врага работали. В безопасности я себя совсем не чувствовала и несколько раз просыпалась, воображая, что слышу в комнате чьи-то шаги.

Этот заказ на статью, если он его всё-таки не отменит, бросив играть со мной в кошки-мышки, станет самым нервозотратным заданием в моей жизни...

Утро я провела, тщательно готовясь к новой встрече с хозяином дома. Сделала всё возможное, чтобы не провоциро-

вать его на новые двусмысленные шутки и манёвры. Оделась максимально неприятно — в видавшие виды джинсы и мешковатый свитер. Волосы скрутила в дульку на самой макушке.

Очевидно, он предполагал, раз выглядит сногшибательно, то любая просто мечтает забраться к нему в постель, а я — одна из тех, на кого его чары непременно действуют. Что ж, пусть воображает. Может, мне его заблуждение даже на руку.

Но вот дарить ему возможность лишний раз надо мной издеваться я не собиралась.

Он ведь на работу меня нанял. Помочь ему восстановить своё реноме?

Ладно. Александра Ковалёва попытается исправить то, что натворила Жанна Смехова. Но стараться при этом не обещает. Он этого не заслужил. Он не заслужил оправданий.

Мой энтузиазм, правда, основательно сдулся, когда я спустилась в столовую и узнала, что Разумовский слишком занят для совместного завтрака, да и вообще слишком занят.

Поэтому после моего одинокого кофе и божественно вкусной овсяной каши с фруктами меня перенаправили в кабинет какого-то хмурого, крепко сбитого усача. Тот посмотрел на меня безо всякого выражения и пробасил:

— Помощница новая?

Я кивнула:

— Саша. Здравствуйте.

Усач приподнял кустистую бровь и кивнул:

— Очень приятно. Ростовский. Геннадий Сергеевич. Но можно просто Ростовский. Можно просто Геннадий. Можно даже просто Сергеевич.

Я хмыкнула. Мужик с юмором, да? Может, ещё и поладим.

— Хорошо, Геннадий Сергеевич. Скажите, а меня зачем к вам привели?

Мой новый знакомый поправил галстук и пожал широкими плечами:

— Ну, меня в общем-то ввели в курс дела. Тебя Давид нанял статью про него написать.

— Ага. Что-то вроде того, — пробормотала я, вспоминая условия и обстоятельства «найма».

— Ну вот. А я его правая рука по многим вопросам. Много про него знаю. Буду твоим источником информации.

Я захлопала ресницами:

— Погодите, он что, меня на вас решил спихнуть?

То есть он ещё и огородиться собрался? Некогда? Слишком занят? Напиши про меня что-нибудь эдакое, а я в сторонке постою?

— Ну, почему сразу «спихнуть»? Просто Давид — очень занятой человек. Он на подобное время тратить не будет.

— То есть... то есть вообще? Он меня вам с концами вручил?

Ростовский заколебался:

— Твоими словами это звучит как-то... жестковато.

И это говорит мне правая рука кровожадного Разумовского.

Я пожевала нижнюю губу, пытаюсь максимально отстранённо оценить ситуацию. То есть он меня вчера промурыжил, припугнул неусыпным присмотром, закидал вопросами, дав понять, что рано или поздно вытянет из меня все ответы, и... откланялся? Чтобы в любой удобный ему момент подкрасться исподтишка и вновь на меня наброситься? Чтобы я и знать не знала, когда он новый удар нанесёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.